

Власть патриаршая и архиерейская въ древней Руси въ ихъ отношеніи къ власти царской и къ приходскому духовенству.¹⁾

Патріархъ древней Руси былъ верховнымъ главою русскихъ іерарховъ, которые находились подъ его высшимъ руководствомъ и управленіемъ, вмѣстѣ съ соборомъ онъ могъ судить и осуждать за вину каждаго архиерея. Но въ тоже время самый выборъ лицъ въ архиереи всегда происходилъ по указанію и совѣту царя, при чемъ патріархъ въ этомъ выборѣ иногда совѣмъ и неучаствовалъ,—онъ только ставилъ тѣхъ лицъ, какія посылались къ нему для посвященія царемъ. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ (царскимъ духовникомъ), и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игумнахъ, и въ архимандритѣхъ, и въ митрополитѣхъ. А которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти ко Іосифу патріарху, чтобъ ему поставить, *по его государеву совѣту*, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и непрекословилъ нигдѣ, а на поставленіи ихъ неговорилъ: неаксіось, сирѣчь недостойнѣ“²⁾. Изъ этихъ словъ Неронова ясно видно, что кандидатовъ на митрополичыи, архіепископскія и епископскія

¹⁾ См. предшествующую книжку журнала.

²⁾ Матер. для исторіи раскола, т. 1, стр. 110.

каедръ, даже кандидатъ въ архимандриты, игумены и протопопы, конечно на болѣе видныя и вліятельныя мѣста, избиралъ, въ патріаршество Іосифа, царь съ своимъ духовникомъ и его друзьями, а патріарху только приходилось посвящать указанныхъ или присланныхъ къ нему царемъ лицъ.—Про свое время патріархъ Никонъ такъ писалъ Константинопольскому патріарху Діонисію: „нынѣ бываетъ (на Руси) вся царскимъ хотѣніемъ: егда хошетъ кто дьяконъ, или пресвитеръ, или игумень, или архимандритъ поставлятися, тогда пишеть челобитную царскому величеству и проситъ повелѣнія, что бы хиротонисали его митрополитъ или архіепископъ и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпишуть: по указу государя царя поставить его попомъ, или діакономъ, или иного какаго чину, кто вочто поставляется. И сице хиротонисаютъ ихъ царскимъ словомъ. И егда митрополитъ, или архіепископъ, или епископъ хиротонисаетъ, тогда дадутъ наставленную грамату и пишуть: хиротонисася дьяконъ или попъ повелѣніемъ государя царя, а не позаповѣди Божии и не поправиламъ св. апостолъ и св. отецъ. И егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избрати и поставить архіереемъ,—избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати,—и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“ 1). Въ своемъ „разореніи“ Никонъ увѣряетъ, что царь велитъ избирать и поставять въ архіереи только тѣхъ „егожь любить“ и что всѣ такъ поставленные „неизбрани отъ Бога и недостойны“ 2). Благовѣщенскаго московскаго собора дьяконъ Ѳеодоръ, какъ очевидецъ, рассказываетъ, что въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, ставили въ архіереи на Вологду Симона, игумена Свирскаго монастыря. Его рекомендоваль царю, какъ вполне подходящаго кандидата, митрополитъ крутицкій Павелъ, пользовавшійся въ то время особымъ расположеніемъ и довѣріемъ царя. Во время поставленія Симонъ, при чтеніи имъ символа вѣры, прочель постарому „рожденна, а несотворенна“. Тогда, рассказываетъ Ѳеодоръ, „нехотѣ его царь поставить во архіепископы; озрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ

1) Зап. русск. археол. общ. т. II, стр. 526—527.

2) Рук. нашей акад. биб. № 218, л. 184 об.

яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его; нехощу его азъ! И поиде съ мѣста своего. Павелъ же льстець припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никакo, государь, нѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справилъ рѣчь ту по новому реченію, Царь же возвратился на мѣсто, и поставиша его во архіепископы“ 1).

Очевидно выборъ, и поставленіе епархіальныхъ архіереевъ, въ древней Руси зависилъ болѣе отъ царя, нежели отъ патриарха. Конечно послѣдній могъ указывать и указывалъ царю на кандидатовъ хорошо ему извѣстныхъ; но тогда какъ его рекомендація не была обязательна для царя, который въ любомъ случаѣ могъ поступить по своему усмотрѣнію, самъ патриархъ обязательно долженъ былъ ставить въ архіереи тѣхъ именно лицъ, на которыхъ указывалъ, кого посылалъ къ нему для поставленія царь.

Такой порядокъ выбора и назначенія архіереевъ приводилъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Ищущіе получить степень епископства, должны были всячески заискивать предъ сильными у царя и близкими къ нему лицами, чтобы добиться ихъ благоволенія и рекомендаціи предъ государемъ, причемъ иногда дѣло необходимо и безъ подарковъ, благодаря чему искательный и тароватый кандидатъ всегда могъ рассчитывать въ своихъ домогательствахъ на болѣе вѣрный успѣхъ, а это необходимо устраняло многихъ, достойнѣйшихъ чѣмъ онъ, кандидатовъ на архіерейство. Еще преподобный Максимъ Грекъ писалъ о такихъ искательныхъ кандидатахъ на архіерейство, что они „всякимъ образомъ тщатся взыти на нѣкій санъ церковный, неточію лицемѣрствующее житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властехъ, и всякимъ образомъ угожающе имъ и ласкающе; но многажды и дары, ова приносяще имъ, ова же и обѣщеваше, аще довершатъ искомое нами и желаемо“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „обрящеши нынѣ дерзаемо: вси готови дары великими сихъ (т.-е. архіерейское достоинство) купити, да въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покои всегда живутъ“ 2). Патриархъ Ни-

1) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 229—230.

2) Сочин. преп. Максима Грека т. II, стр. 127 и т. I, стр. 140.

ковъ заявляетъ, „что нынѣ архіереи, оставя свое достояніе священническое и честь, кланяются царемъ и княземъ, аки преобладающимъ, и о всѣхъ спрашиваютъ и чести ищутъ“ ¹⁾. Извѣстный протопопъ Аввакумъ говоритъ: „вдыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится великія степени, вотъ ужжо и вздыхать перестанетъ, а буде и вздохнетъ, а инъ ласкосердствуетъ, льститъ міра, показуя себе свята, а внутрь—дѣволъ“ ²⁾.

Получившій архіерейство благодаря искательству предъ нужными и сильными у царя людьми, а иногда и благодаря посуламъ, естественно не могъ быть потомъ истиннымъ и дѣятельнымъ архипастыремъ въ своей епархіи, заботящимся о своей паствѣ, о подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, объ общецерковныхъ дѣлахъ, объ улучшеніи епархіальнаго управленія. Это былъ только чиновникъ, добившійся разными хотя бы и неподобающими путями, хорошаго, виднаго, доходнаго мѣста и на этомъ успокоившійся, такъ какъ идти далѣе, въ смыслѣ карьеры, ему уже некуда. Онъ прекрасно зналъ, что прочность его архіерейскаго положенія зависитъ собственно не отъ той или другой его архипастырской дѣятельности, а прежде всего и главнымъ образомъ отъ выполненія той программы, по которой такой архіерей долженъ быть: смиренъ, покорливъ и во всемъ безусловно податливъ къ высшимъ и сильнѣйшимъ его, мало доступенъ и почти совсѣмъ невѣдомъ для его многочисленной паствы, высокъ и грозно-властенъ къ подчиненному ему духовенству. Естественно, что такой архіерей былъ рабски покоренъ предъ свѣтскою властію, которая дала ему его высокое положеніе, готовъ былъ, ради ея требованія, поступиться всѣмъ, и постоянно боялся только одного: какъ бы тѣмъ или другимъ своимъ шагомъ чѣмъ либо нераздражить, невозстановить противъ себя свѣтскую власть, и ради этаго не лишиться ея благоволенія т.-е. своего выгоднаго и почетнаго положенія, почему всѣ его важнѣйшія заботы и попеченія были всегда сосредоточены главнымъ образомъ не на архипастырствѣ, а на своемъ личномъ положеніи, на своей личной карьерѣ.

Указанными порядками, практиковавшимися въ древней

1) Рук. нашей акад. библ. № 218, л. 186.

2) Бороздяна, протоп. Аввакумъ, прил. стр. 44.

Руси призамѣщеніи архіерейскихъ кафедръ, и объясняются, между прочимъ, дошедшія до насъ жалобы на оскудѣніе на Руси, въ московскій періодъ ея исторіи, истиннаго архипастырства. Искатель архіерейства всѣми средствами, заявляетъ преп. Максимъ Грекъ, „получивъ желаемое, съ мыслію гордостною и мяшъ прочее, яко надъ закономъ владѣти поставленъ есть, а не тѣмъ преподобно водити подручныя,— гордится, беззаконствуетъ, лютѣ гнѣвается, мучить, связуетъ, мзды емлетъ, блудно питается, вся его мудрованія злато есть, *и многомятежное ему попеченіе: како угодити властелемъ.* Погубивъ и душевную доброту, кипящую множествомъ духовныхъ благодатей, *пестрыми точію и мягкими шелковыми тканіи, златомъ же, и серебромъ, и бисеры добрыми, внѣшній образъ всегда щитится украсити,* божественному ученію зазираючи,—одѣющися въ мягкая, аки нѣкій глухіи аспидъ, затыкаючи ушеса свои“. По этому поводу преп. Максимъ съ великою скорбію говоритъ о современномъ ему русскомъ архіерействѣ: „неимамъ Самуила великаго, іерея Вышняго, противоположившагося, содерзновеніемъ, Саулу преступнику; неимамъ Наана, исцѣлившаго благокозненною притчею Давида царя и отъ паденія онаго лютаго избавивша; неимамъ подобныхъ ревнителехъ Илии и Елисею, нестыдившихся беззаконнѣйшія насильники царя самарійскія; неимамъ Амвросія чуднаго, архіерея Божія, неубоявшагося высоты царства Θεодосія великаго; неимамъ Василія великаго, во святыни и во всякой премудрости возсіявшаго, и премудрѣйшими ученіи ужасивша сестры гонителя Уалента; неимамъ Іоанна великаго и златаго языкомъ, сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдокію изобличившаго, нестерпѣвша презрѣти теплыя слезы бѣдныя оны вдовы...“ ¹⁾ Протопопъ Аввакумъ говоритъ, что слѣдуетъ слушать только „истинныхъ архіереевъ, иже души своя полагаютъ за стадо Христово; а не тѣхъ, глаголю, пастырей слушать, иже и такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться... Хороши законоучители! Да што на нихъ! Таковыя нарокомъ поставлены, яко земскія ярышки, что имъ велятъ, то и творять. Только у нихъ и вытвержено: а—се, государь, во—се, государь! добро государь! Медвѣдя Никонъ, смѣяся, прислалъ Іоанъ

¹⁾ Сочиненіе Максима Грека, т. II, стр. 37—38, 336.

ростовскому на дворъ, и онъ челомъ медвѣдю,—митрополитицо, законоположникъ!“ Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ увѣряетъ, что архіереи только то и знаютъ, что потакають царю: „жги, говорятъ, государь, христіанъ тѣхъ; а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, непротивны; хотя медвѣдя дай намъ въ алтарь, и мы рады тебя, государь, тѣшить, лише намъ потребы давай, да корми съ дворца“. По заявленію Аввакума, даже хорошіе и достойные люди, попавъ въ среду архіереевъ искателей-карьеристовъ, начинаютъ постепенно портиться, спускаться къ общему очень невысокому уровню архіерейства. „Всѣ однако власти-те, говоритъ онъ, кромѣ избранныхъ, да лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бываетъ отъ нихъ. Повертится, что поршлица, да и онъ туда же склонится бѣдной:—„воляде Божія, не одинъ-де я по сей колесницѣ ѣду; гдѣже-де дѣтца? А чортъ-ли билъ въ зашей? грубо замѣчаетъ Аввакумъ; ино было и не искать величества, да жить пониже, такъ бы душѣ здоровѣе было“ 1).

Патріархъ Никонъ, съ своей стороны, былъ тоже очень невысокаго представленія о своихъ собратіяхъ и сослужителяхъ-архіереехъ. Когда астраханскій архіепископъ Іосифъ, вмѣстѣ съ Лигаридомъ, Одоевскимъ и Стрѣшневымъ прибыли въ Воскресенскій монастырь къ Никону, то послѣдній, обращаясь къ Іосифу, говорилъ: „и ты, бѣдный, тудаже? А помнишь-ли свое обѣщаніе? Говорилъ, что и царя слушать нестанешь? Что? видно тебѣ что нибудь дали бѣдняку?“ Когда Никонъ заявилъ посланнымъ, что будто бы царь собираетъ противъ него подкупной соборъ, патріарху говорено: „будетъ онъ лжесвидѣтелей вмѣняетъ московскаго государства властей, и онъ за то приметъ мечь отъ Бога“.— „И патріархъ говорилъ: хто-де властей, и кому книжнымъ ученіемъ и правила говорить, а они-де и грамотѣ неумѣютъ“.— „И патріарху говорено: одинъ-ли онъ въ московскомъ государствѣ грамотѣ умѣетъ и есть-ли хто иной?“— „И патріархъ сказалъ: хотя-де и есть немногіе, а Питиримъ - де митрополитъ и того-де незнаетъ, почему онъ человѣкъ“. Въ письмѣ къ Никитѣ Зюзину Никонъ пишетъ: „писаніе твое къ намъ дошло, и мы чли, а псковскаго епископа чоль

1) Мат. для ист. раск. т. III, стр. 37—38, 48. Бороздина, прил. стр. 44.

же, и чудить тому нечему: и старь и глупь“. Астраханскій архіепископъ показываль, что Никонъ въ его присутствіи торжественно говорилъ въ церкви: „нынѣшніе архіереи, чтобъ имъ архіерейства неотбыть, поборають по неправдѣ, нынѣ архіереи не хотятъ пострадать за истину, чтобъ славы и чести и архіерейства неотбыти“. Даже о цѣломъ соборѣ русскихъ іерарховъ 1660 года Никонъ позволялъ себѣ очень рѣзкіе и обидные для архіереевъ отзвыы: „сей соборъ бывшій, писалъ онъ, неточію сонмищемъ іудейскимъ достойно нареци, но и бѣсовскимъ, яко не поправиламъ собранъ, тако же и соборованіе все по цареву указу дѣлали“. Не разъ и въ другихъ случаяхъ Никонъ заявлялъ прямо, что іерархи, присутствовавшіе на соборѣ 1660 года, были подкуплены царемъ и, ради взятыхъ ими подарковъ, поставляли на соборѣ только то, что было угодно и желательно царю, почему Никонъ и настаиваль, чтобы о немъ былъ собранъ настоящій соборъ—„праведной, а не накупной“, какъ онъ выражался ¹⁾).

Понятно само собою, что среди епархіальныхъ архіереевъ древней Руси, въ общемъ, ради господствовавшей тогда системы выборовъ въ архіереи, очень невысокаго архипастырскаго уровня, всегда однако встрѣчались и были люди, выдававшіеся своими высокими душевными качествами, твердостію и непреклонностію своихъ убѣжденій, святостію своей частной жизни, готовностію пострадать даже до смерти за правду, за общее благо и ни въ чемъ не потакавшихъ свѣтской власти, если находили, что она поступаетъ несправедливо и неправильно. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на святаго митрополита Филиппа, погибшаго за свои старанія вразумить Грознаго, удержать его отъ напрасныхъ жестокостей; на патріарха Гермогена, не хотѣвшаго уступить русскимъ крамольникамъ и погибшаго насильственною смертію ради спасенія русской земли. Мы не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ русскихъ іерарховъ, святыхъ угодникахъ, прославившихся великою святостію своей жизни. Но все-таки нужно признать, что въ общемъ русскіе іерархи, москов-

¹⁾ Зап. рук. археол. общ. II, стр. 561—562, 590. Гиббенета, Дѣло п. Никона, т. II, стр. 615. Рукоп. нашей акад. библ. № 218, л. л. 98, 130—131 и др.

скаго періода, мало образованные, мало свѣдущіе и въ сферѣ церковныхъ знаній и совсѣмъ неучительные, не отличались настоящими архипастьрскими качествами, и подчасъ своимъ образомъ дѣйствій, даже въ церковно-вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, своимъ рабскимъ преклоненіемъ предъ свѣтскою властію, вызываютъ невольное наше недоумѣніе. Вотъ нѣкоторые факты въ этомъ родѣ.

Московскій митрополитъ Исидоръ грекъ, отправившійся изъ Москвы на флорентійскій соборъ, принялъ тамъ, отъ лица русской церкви, унію и былъ вполне увѣренъ, что этотъ его шагъ не встрѣтитъ себѣ серьезнаго противодѣйствія со стороны русскихъ епископовъ и со стороны великаго князя, ради его молодости. „Князь великій младъ есть, глаголалъ папѣ Исидоръ, а епископы некнижны суть, боятца мене, несмѣтъ имъ о томъ со мною глаголати“¹⁾. Эта увѣренность Исидора, что русскіе архіереи не рѣшатся возстать противъ уніи и пассивно пойдутъ въ этомъ дѣлѣ за нимъ Исидоромъ митрополитомъ, имѣла основанія и оправдалась на дѣлѣ. Никоновская лѣтопись рассказываетъ, что Исидоръ, возвращаясь изъ Флоренціи, останавливался въ Будимѣ, и оттуда послалъ „своя писанія“ „на всю Русь православнаго христіанства“, въ которыхъ открыто рекомендовалъ всѣмъ православнымъ принимать унію, а себя прямо называлъ „легатось отъ ребра апостольскаго сѣдалища“. Въ Москвѣ, значить, очень хорошо знали, еще до возвращенія Исидора, объ отступленіи его отъ православія. Между тѣмъ Исидоръ чрезъ Кіевъ не спѣша направился въ Москву, вездѣ при своихъ службахъ на пути поминалъ папу, вездѣ открыто заявлялъ о своемъ соединеніи съ латинствомъ и о необходимости присоединенія къ уніи всей Руси. Въ 1441 г. Исидоръ наконецъ прибылъ въ Москву на третьей недѣлѣ великаго поста, торжественно служилъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, поминалъ на службѣ папу, велѣлъ протодіакону торжественно прочесть грамоту о соединеніи съ латинами, и передалъ о томъ же особую грамоту папы Евгенія великому князю. Далѣе Никоновская лѣтопись повѣствуетъ слѣдующее: „достоитъ же удивитися разуму и великому смыслу великаго князя Василія Васильевича, понеже

¹⁾ Бычкова, Опис. рукоп. имп. публ. библ., ч. I, стр. 123—124.

о семъ Исидорѣ митрополитѣ вси умолчаша—князи и бояре и инѣ мнози; еще же паче и *епископы русскіа вси умолчаша и воздремаша и уснуша*. Единъ же сей богомудрый и христоролюбивый государь, великій князь Василій Васильевичъ. позна Исидорову прелесть пагубную и, скоро обличивъ, посрами его, и вмѣсто пастыря и учителя, злымъ и губительнымъ волкомъ назва его. *И тако вси епископы русѣи, иже быша въ то время тогда въ Москвѣ, возбудившася, князи и бояре и вельможи и множество христіанъ тогда воспоминавши и разумѣши законы греческія прежніа, и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ. И тако князь великій Василій Васильевичъ возрадовался о согласіи епископовъ своихъ, и князей и бояръ и всѣхъ православныхъ христіанъ“* ¹⁾. Точно такъ же говоритъ и Степенная книга, что обличителемъ митрополита Исидора былъ одинъ великій князь, „понеже тогда вси умолчаша, нетокмо князи и бояре и прочіе людіе, *наипаче же и епископы русѣи, яко воздремаша и уснуша*“. Только одинъ князь понялъ всю опасность для православія отъ дѣйствій Исидора и началъ противъ него дѣйствовать; за княземъ тогда потянулись и другіе, между ними и проснувшіеся епископы ²⁾.

Изъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа слѣдуетъ, что если бы все дѣло введенія у насъ уніи зависѣло отъ однихъ только русскихъ епископовъ, какъ дѣло исключительно церковное, то въ виду того, что наши епископы „воздремаша и уснуша“, латинская унія у насъ могла бы быть введена Исидоромъ. Единственнымъ сознательнымъ ея противникомъ на Москвѣ оказался великій князь, который энергично возсталъ противъ Исидора и уніи, разбудилъ спавшихъ епископовъ, рѣшившихся, наконецъ, помогать великому князю въ его усиліяхъ отстоять русское православіе отъ покушеній на него со стороны латинства. Чѣмъ же объяснить это странное, пассивное, безучастное отношеніе русскихъ архіереевъ даже къ такому важному и близкому для нихъ дѣлу, какъ перемѣна православія у насъ на латинскую унію?

Митрополитъ Исидоръ говорилъ, что русскіе епископы некнижны, боятся его митрополита и не могутъ, какъ не-

¹⁾ Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 146—156.

²⁾ Степенная книга, ч. II, стр. 11.

книжные, съ нимъ говорить, т.-е. оспорить его, доказать ему ошибочность и незаконность его возрѣній и дѣйствій. Но одна некнижность и необразованность тогдашнихъ русскихъ архіереевъ не объясняетъ однако дѣла. Настолько-то наши архіереи вѣроятно понимали, что имъ никакъ не слѣдуетъ измѣнять православію и замѣнять его латинствомъ; для этого вовсе и не требуется какой-нибудь особой книжности, и некнижный человѣкъ всегда можетъ постоять за свои вѣрованія, за свою родную старину. Ссылка митрополита Исидора на другое обстоятельство: что русскіе архіереи боятца мене, несмѣтъ имъ се мною глаголати, имѣеть болѣе серьезное значеніе и скорѣе можетъ объяснить, почему „епископы рустіи яко воздремаша и уснуша“. Тутъ дѣло, по нашему мнѣнію, заключалось въ слѣдующемъ:

Русскіе архіереи вообще, съ самаго начала введенія у насъ христіанства и до послѣдняго времени, какъ высшіе представители нашей церкви, никогда не имѣли собственной архипастырской инициативы въ рѣшеніи даже чисто церковныхъ дѣлъ; никогда у нихъ, и въ этой родной имъ сферѣ, не было никакого творчества на основаніи св. писанія, св. отцовъ и учителей церкви, и вообще на основаніи духа и разума православія и чисто мѣстныхъ религіозно-церковныхъ потребностей. Они всегда являлись и здѣсь только или сторонними зрителями совершеннаго другими, или пассивными оберегателями наличной церковной дѣйствительности, какая бы она ни была въ данное время. Это потому, что такъ ихъ воспитала, такъ ихъ приучила относиться ко всякому встрѣчающемуся церковному дѣлу сама наша историческая церковная жизнь. Мы все церковное, до послѣднихъ мелочей, съ самаго начала у насъ христіанства, приняли отъ грековъ въ готовомъ видѣ, продолжали принимать отъ грековъ въ готовомъ видѣ все церковное и въ послѣдующее время. Если греческая церковь жила своею собственною творческою жизнію, если своимъ творчествомъ она создала извѣстныя церковныя формы, правила, постановленія, извѣстный строй и укладъ своей мѣстной церковной жизни, вносила въ него съ теченіемъ времени тѣ или другія измѣненія, вызываемыя новыми измѣнившимися условіями и потребностями своей исторически-культурной жизни: то наше русское дѣло было всегда не творить, не созда-

вать, подобно грекамъ, что-либо свое на почвѣ христіанско-церковной мѣстной русской жизни, а только подражать, копировать, цѣликомъ переносить къ себѣ готовое греческое. Этому особенно благопріятствовало то обстоятельство, что все наше церковное управленіе, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, было подчинено Константинопольскому патриарху, и самые наши митрополиты были греки, которые въ глазахъ русскихъ являлись не только представителями высшей церковной власти, но и представителями высшей культуры, высшихъ христіанскихъ знаній, высшей опытности въ сферѣ христіанско-церковной жизни, и потому имѣли у насъ высшій непререкаемый церковный авторитетъ, предъ которымъ не книжные русскіе архіереи только преклонялись, только въ точности по возможности исполняли то, что предписывала, на что указывала и что вводила у насъ высшая власть митрополита-грека. Русскій архіерей зналъ, что за него уже все придумали, сдѣлали и создали другіе, высшіе его по званіямъ и церковной опытности, и привыкъ самъ ни о чемъ церковномъ не думать творчески, не дѣлать и въ церковной сферѣ ни одного самостоятельнаго шага, привыкъ во всемъ смотрѣть на митрополита, отъ него ждать приказаній, распоряженій, рѣшеній встрѣчающихся вопросовъ и недоумѣній. Съ другой стороны, на всю нашу церковную жизнь, на весь церковный строй, воспринятый нами въ готовомъ видѣ отъ грековъ, онъ исторически приученъ былъ смотрѣть какъ на нѣчто совершенное, не терпящее никакихъ перемѣнъ, не допускающее никакого дальнѣйшаго движенія и развитія. Его архипастырская задача въ томъ именно и состоитъ, чтобы точно-рабски воспринимать это чужеземное готовое, вводить его безъ перемѣнъ въ русскую жизнь и недопускать въ ней никакихъ перемѣнъ, никакихъ отступленій отъ древне-греческаго образца. При возникновеніи у насъ своихъ церковныхъ вопросовъ, мы всегда брали только уже готовыя, болѣе или менѣе подходящія къ данному случаю, нормы, формулы, рѣшенія и постановленія древне-греческія и, съ своей стороны, употребляли всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь подвести, подогнать живой русскій вопросъ подъ отжившую часто греческую формулу, и не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не успѣвали такъ или иначе втиснуть русское живое церковное явленіе въ рамки

греческой церковной старины. Дерзать отнестись къ русской жизни, къ ея своеобразнымъ запросамъ и требованіямъ самостоятельно-творчески, руководствуясь духомъ и разумомъ православной церкви, а неподражательностію и рабскою копировкою, мы никогда не отваживались, какъ будто въ русской церкви не дѣйствуетъ тотъ же Духъ Святой, Который дѣйствовалъ въ древне-греческой церкви и помогалъ ей создавать свой церковный чинъ, уставъ, правила; какъ-будто Его просвѣщающее и вдохновляющее къ творческой дѣятельности воздѣйствіе закончилось, остановилось на старой Византіи и не можетъ уже открыть себя во всей силѣ въ самостоятельной творческой дѣятельности русской церкви. Мы даже всегда ставили и ставимъ себѣ въ особую чрезвычайную заслугу, что мы никогда ничего своего не производили и не производимъ во всю нашу историческую церковную жизнь, а только стараемся въ ней точно копировать то, что давали и дадутъ намъ греки; мы сильно гордимся тѣмъ, что собственно русскаго во всемъ строгѣ и порядкѣ всей нашей церковной жизни ничего нѣтъ, а все только принесенное въ готовомъ видѣ изъ старой благочестивой Византіи, и что отъ этого принесеннаго къ намъ мы никогда ни въ чемъ не отступили ни на іоту. А все это необходимо убивалось русскими архіереяхъ всякую инициативу и самодѣятельность, дѣйствовало на ихъ энергію и творчество усыпляющимъ образомъ, такъ что они дѣйствительно могли быть „аки воздремаша и уснуша“ даже и въ то время, когда въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ ихъ присутствіи, торжественно провозглашалась унія съ латинствомъ.

Изъ сказаннаго понятнымъ становится, почему русскіе архіереи не проявили, по собственной инициативѣ, никакого противодѣйствія уніатскимъ затѣямъ своего митрополита. Они видѣли въ Исидорѣ человѣка, облеченнаго властію надъ ними самимъ вселенскимъ Константинопольскимъ патріархомъ, видѣли въ немъ не только человѣка умнаго и свѣдущаго во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, но и человѣка широко образованнаго, какимъ и былъ въ дѣйствительности Исидоръ, уже ранѣе знакомый и находившійся въ перепискѣ съ тогдашними итальянскими гуманистами, къ которымъ онъ примыкалъ по своему умственному направленію

и симпатіямъ, и не придававшей, поэтому, особаго значенія вѣроисповѣднымъ разностямъ между католиками и православными. Борются съ такимъ человѣкомъ, за которымъ стояли цареградскій патріархъ и самъ императоръ, русскіе архіереи не могли и думать, а потому они пассивно-безпрекословно оказывали ему привычное повиновеніе, не рѣшаясь возстать противъ него даже и тогда, когда онъ открыто сталъ вводить у насъ унію. И только когда противъ него вооружился великій князь, бывшіе въ это время въ Москвѣ архіереи, по выраженію лѣтописи, „возбудишася“, они, „вспомнявши и разумѣша законы греческія прежнія“, стали теперь обличать Исидора и называть его еретикомъ. Великій князь, замѣчаетъ лѣтопись, „возрадовался о согласіи епископовъ“ дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Исидора. Очевидно, великій князь сильно опасался, какъ бы русскіе епископы, при своей инертности, пассивности и трусливости, не остались въ этомъ дѣлѣ вѣрны старому, привычному для нихъ авторитету митрополита и не стали на его сторону противъ князя. Къ счастью этого не случилось; русскіе архіереи проснулись, или были разбужены, еще во время.

Наступаетъ, затѣмъ, въ нашей исторіи такой періодъ, когда русскіе митрополиты избираются уже только изъ русскихъ,—греки совсѣмъ перестаютъ принимать какое-либо непосредственное участіе въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Русскіе архіереи, теперь представленные самимъ себѣ, могли свободно проявлять свое національное церковное творчество и самостоятельность. Этого однако не случилось, такъ какъ у русскихъ архіереевъ не было нужныхъ для творчества силъ и средствъ: русскіе епископы были попрежнему не книжны и во всемъ пассивны, а потому попрежнему продолжали жить только заимствованнымъ чужимъ, и попрежнему желали опираться въ церковныхъ дѣлахъ на чей-либо сторонній авторитетъ, подчиняться какому-либо стороннему водительству. Этотъ авторитетъ, высшій руководитель епископовъ въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, скоро и явился въ лицѣ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, которые, какъ знатоки церковныхъ дѣлъ, считали одной изъ своихъ главныхъ обязанностей наблюдать за теченіемъ всей церковной жизни, направлять ее по своему усмотрѣнію, да-

вать церковнымъ дѣламъ то или другое рѣшеніе, при чемъ архіереямъ приходилось иногда, даже вопреки своей совѣсти и убѣжденію, только одобрять и исполнять царскія рѣшенія.

Знаменитый въ нашей исторіи Стоглавый соборъ созывается царемъ, который, какъ главное дѣйствующее лицо на немъ, послѣ своей рѣчи къ собору, ставитъ отъ себя цѣлый рядъ вопросовъ по чисто-церковнымъ и даже церковно-богослужебнымъ предметамъ, на которые предлагаетъ дать отцамъ собора свои отвѣты. Значитъ, инициатива созванія Стоглаваго собора, постановка на немъ вопросовъ, подлежащихъ соборному рѣшенію, исходитъ отъ царя, который, понятно, воздѣйствуетъ и на то или другое соборное рѣшеніе предложенныхъ вопросовъ. Царь Иванъ Васильевичъ женится въ четвертый разъ и этотъ незаконный бракъ желаетъ превратить въ законный, для чего проситъ благословенія и разрѣшенія у собора іерарховъ. Исполненіе этого царскаго требованія было вопіющимъ нарушеніемъ всѣхъ церковныхъ законовъ, каждый русскій епископъ даже на третій бракъ смотрѣлъ неодобрительно, а тутъ приходилось одобрить и благословить четвертый бракъ. Епископы исполнили незаконное желаніе властнаго царя.—Мы уже ранѣе видѣли, что учрежденіе у насъ патріаршества было дѣломъ исключительно свѣтской власти, что духовныя власти не принимали въ этомъ дѣлѣ никакого участія и что когда потомъ государь созвалъ наконецъ духовный соборъ, предложилъ властямъ посовѣщаться, „какъ бы Богъ далъ такое великое и преславное дѣло въ Россіи устроилось, то отцы собора на это предложеніе государя равнодушно отвѣчали, „что они полагаются на волю его—великаго государя“.—Лжедимитрій желалъ жениться на Маріи Мнишекъ, которая, чтобы стать русскою царицею, необходимо должна была принять православіе. По тогдашнимъ русскимъ воззрѣніямъ и существовавшей у насъ церковной практикѣ, католическое крещеніе не признавалось истиннымъ крещеніемъ, и всѣхъ католиковъ, обращавшихся въ православіе, у насъ обязательно перекрещивали, почему и Марія Мнишекъ должна была подвергнуться перекрещиванію. Понятно, что она ни подъ какимъ видомъ не могла согласиться на это, признать себя некрещеной. Чтобы добиться ея присоединенія къ

православію не перекрещиваніемъ, а только чрезъ миропомазаніе, Лжедимитрій поступаетъ такимъ образомъ: онъ заставляеть русскихъ епископовъ избрать въ патриархи рязанскаго архіепископа грека Игнатія. Нужно замѣтить, что тогдашняя греческая церковь присоединяла католиковъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а перекрещиванія ихъ, какъ дѣйствія канонически неправильнаго, не допускала. Значить и грекъ Игнатій естественно считалъ единственно правильнымъ присоединеніе Мнишекъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а не перекрещиваніе. Только ради этого грекъ Игнатій и попалъ въ московскіе патриархи: ему предназначалось убѣдить русскихъ епископовъ въ дѣлѣ присоединенія Марины къ православію слѣдовать не тогдашней русской, а греческой практикѣ. И дѣйствительно, когда Марина пріѣхала въ Москву, Лжедимитрій созвалъ соборъ изъ русскихъ епископовъ, на которомъ „вмѣняетъ ей (Маринѣ), преокаянный, латынское богопротивное крещеніе во истинное святое христіанское купѣльное порожденіе“. На соборѣ Игнатій, какъ грекъ, по искреннему убѣжденію, поддерживалъ Лжедимитрія и отрицалъ, на основаніи тогдашней греческой церковной практики, нужду и законность перекрещиванія Марины. По одному современному сказанію изъ отцовъ собора „немноги поистине“ заявили было сначала, что Марину слѣдуетъ крестить вновь; но другіе—большинство, изъ челоуѣкоугодія, изъ-за слабости къ мірской славѣ, „на обою ногу болѣніемъ хромлюще, прельстишася; купноужъ не пастырски, но наемнически, и ужаснушася, воли его быти повинувшася, попустиша. Зряще то, и *перви умолкоша, яко словеса беззаконныхъ премогоша, и вси даша ему плещи*“¹⁾. Такимъ образомъ епископы единственно, по объясненію современнаго бытописателя, изъ челоуѣкоугодничества, изъ-за слабости къ славѣ мірской, отказались, вопреки своей совѣсти и убѣжденію, вопреки существовавшей тогда у насъ церковной практикѣ, отъ перекрещиванія Марины.—Или, на примѣръ, такой случай. Въ Москвѣ, въ патриаршество Іосифа, возникъ извѣстный споръ о многогласіи въ церковномъ пѣніи. Царь созвалъ у себя во дворцѣ (11-го февраля

¹⁾ Временникъ, рукопись Флорищевой пустыни, № 108/632, л. 165 об. и 166.

1649 года) соборъ для рѣшенія спорнаго вопроса, и соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа, рѣшилъ держаться существующаго обычая, т.-е. многогласія. Но царь, и его духовникъ съ своими друзьями, былъ противъ многогласія, почему постановленіе собора 1649 года не только не было утверждено царемъ, но патріархъ Іосифъ принужденъ былъ въ 1651 году снова на соборѣ пересмотрѣть этотъ вопросъ и, подъ давленіемъ царя, рѣшить его совершенно иначе, нежели какъ онъ рѣшенъ былъ соборомъ 1649 года, т.-е. принужденъ былъ признать, что въ церквахъ всюду должно быть единогласное, а не многогласное пѣніе.

Изъ приведенныхъ фактовъ съ очевидностію слѣдуетъ, что русскіе епархіальные архіереи въ Московской Руси, со времени возникновенія у насъ сильной власти, сначала великаго князя, а потомъ царя Московскаго, избирались и ставились на свои каѳедры по выбору и одобренію государей, отъ которыхъ они, какъ и другія государственныя должностныя лица, во всемъ всегда и зависѣли, а потому не смѣли и не рѣшались сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага даже и въ строго церковныхъ дѣлахъ, если видѣли, что такой шагъ чѣмъ-либо не угоденъ и почему-либо не нравится высшей свѣтской власти. Къ этому нужно присоединить и то, что даже въ сферѣ епархіальнаго управленія, какъ мы выше уже говорили, наши тогдашніе епископы были не самостоятельны, они и здѣсь сильно стѣснены были присылаемыми къ нимъ царемъ чиновниками: боярами, дворецкими, дьяками, которые фактически держали въ своихъ рукахъ всѣ важнѣйшія отрасли архіерейскаго епархіальнаго управленія, при чемъ сами отъ архіерея не зависѣли. Наконецъ, мы уже не говоримъ о такихъ исключительныхъ временахъ нашей церковной жизни, какъ время отъ удаленія Никона съ патріаршей каѳедры до постановленія въ патріархи Іоасафа II (1658—1667 г.), когда царь Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно былъ фактическимъ главою нашей церкви и ея настоящимъ управителемъ: онъ выбиралъ и ставилъ архіереевъ, судилъ и рядилъ ихъ, созывалъ соборы и направлялъ ихъ дѣятельность, къ нему архіереи обращались съ своими нуждами и заявленіями, ему они подавали отвѣты на разные запросы церковнаго характера, въ немъ видѣли своего высшаго управителя, а вмѣстѣ и рѣшителя всѣхъ

церковныхъ дѣлъ, и потому безъ его согласія и одобренія не дѣлали ничего.

Постоянное дѣятельное вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла, ея стремленіе руководить ими и рѣшать ихъ по своему усмотрѣнію, лишая архіереевъ въ церковныхъ дѣлахъ всякой инициативы, самостоятельности и самодѣятельности, невольно, какъ и въ предшествующее время подавляющаго господства митрополитовъ-грековъ, приучало нашихъ архіереевъ во всемъ полагаться теперь на высшую свѣтскую власть, въ ней видѣть не только источникъ и опору своего высокаго привилегированнаго общественнаго положенія, но и главнаго инициатора, руководителя и рѣшителя всѣхъ возникавшихъ у насъ церковныхъ дѣлъ и вопросовъ. Царь въ церковной жизни былъ теперь почти то же, чѣмъ былъ ранѣе митрополитъ грекъ: у нашихъ московскихъ государей, такъ же какъ и у благочестивыхъ древнихъ греческихъ царей, церковное и государственное перемѣшивалось до невозможности провести точную грань: гдѣ былъ царь и гдѣ былъ архіерей, гдѣ было дѣло государственное и гдѣ церковное; такъ какъ и все государственное въ то время мыслилось и проводилось въ тѣсномъ единеніи съ церковностію, почему иногда и трудно бываетъ показать, гдѣ кончался царь и начинался архіерей. Все это невольно и неизбежно парализовало дѣйствіе на архіереевъ представителей тогдашней высшей у насъ духовной власти, сначала митрополита, а потомъ патриарха. Послѣдній ничего не могъ сдѣлать съ тѣмъ или другимъ епархіальнымъ архіереемъ, если за него стояла свѣтская власть, а это обстоятельство еще болѣе усиливало и закрѣпляло вліяніе послѣдней надъ архіереями, косвенно дескредитируя авторитетъ въ церковномъ управленіи представителя высшей духовной власти.

Бывали однако случаи, когда наша высшая церковная власть—патриархъ распоряжался всѣмъ совершенно самостоятельно и независимо, внѣ непосредственнаго вліянія и воздѣйствія свѣтской власти. Такъ было при Филаретѣ Никитичѣ, такъ было и въ патриаршество Никона, когда „царь-государь положилъ свою душу и всю Русію на патриархову душу“. Повидимому, наши архіереи должны бы были вполне сочувствовать такому положенію дѣлъ, сердечно радоваться, что они освобождались отъ гнета свѣтской власти и были

подчинены одному своему духовному главѣ, отъ котораго только и зависѣли. Въ дѣйствительности однако этого не было, а было какъ разъ обратное. Архіереи находили управленіе Филарета Никитича очень суровымъ, но особенно они недовольны были управленіемъ Никона, которое казалось архіереямъ невыносимымъ, самоуправнымъ и прямо тираническимъ. До насъ дошли любопытные и характерные отзывы архіереевъ о патріаршемъ управленіи Никона, ихъ заявленія о томъ, какія отношенія слѣдуетъ установить между властію патріарха и подчиненными ему архіереями, какихъ и съ какими качествами лицъ слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, ставить въ патріархи, чтобы церковныя дѣла шли тихо и немятежно.

Вятскій епископъ Александръ, отъ лица всѣхъ архіереевъ, и, конечно, съ ихъ одобренія, въ своей докладной запискѣ государю, по поводу клятвы Никона на митрополита Питирима, заявляетъ, что Никонъ, при поставленіи своемъ на патріаршество, „общаяся церковный миръ соблюдати и не единымъ же нравомъ противная мудрствовать во всемъ животѣ своемъ, послѣдуя во всемъ и повинуюся святымъ апостоломъ и святымъ вселенскимъ соборамъ, общая имъ во страсъ Божіи боголюбивымъ нравомъ братіи своей о Св. Духѣ и сослужебникомъ всѣмъ преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ, патріаршества его російскаго царствія, любовь духовную имѣти, и яко братію тѣхъ почитать, и сице любити, яко же владыка нашъ Господь І. Христосъ возлюбилъ святыхъ Своя ученики и апостолы... И потолциѣ общавіи странно за рабы святильскій чинъ вмѣни и толико ругаяся,—яко сошедшимся архіереомъ къ сѣннымъ дверемъ крестовые полаты, на преднемъ крыльцѣ часа два или три сидѣти, и не единому жъ даде слова рещи предъ собою, ниже молбы тѣхъ послушавъ о исправленіи церковныхъ вещей, но странно поработи тѣхъ и люгѣ нападалъ на братію свою, и страдати многихъ устрои и умиленнѣ плакати“ ¹⁾. Тотъ же вятскій епископъ Александръ, въ другой разъ, тоже съ одобренія архіереевъ и отъ лица ихъ, обращается къ царю съ прошеніемъ: „аще обрящемъ благодать предъ тобою, великимъ государемъ, презри,

¹⁾ Рукоп. Румянц. музея, по описан. Востокова № 376, л. 249.

молбы твоихъ государевыхъ богомольцевъ: да возмется нечестивый сей (т.-е. Никонъ) отъ среды нашея, да Божіи праведный гнѣвъ не постигнетъ и въ правду постраждемъ, не пекущеся о благихъ“. А чтобы и на будущее время оградить епархіальныхъ архіереевъ отъ патриаршаго самовластія и деспотизма, обличитель Никона старается, отъ лица архіереевъ—своихъ собратій, внушить царю, что „первый епископъ не начальникъ епископамъ, ни крайній святитель, но епископъ перваго сѣдалища наречется, рекше царствующаго многонароднаго града: *святительскій бо санъ единый есть и также на всѣхъ благодать*. Не наречется сей убо совершенъ или несовершенъ святитель; *но вси равни святители, вси епископи, и благодать Св. Духа равно приѣмше*“. Затѣмъ царю указывается, въ видахъ предохранить епископовъ отъ патриаршаго самовластія на будущее время, кого слѣдуетъ избирать въ патриархи. „Царствующаго града перваго сѣдалища епископа, говорится отъ лица архіереевъ, рекша патриарха, избирати (государь) благоволи: священное писаніе протолковати могоуща и разумѣюща все божественное писаніе со испытаніемъ, и священныя правила св. апостолъ и св. отецъ извѣстно вѣдуща, въ лѣтѣхъ же совершенна суща и добродѣтелями и крайнимъ смиреномудріемъ цвѣтуща; своя же воли исправити догматы неимуща, но совѣтомъ, а не дерзостно исправляюща; ревнителя же о благочестіи и нестыдящеся лицъ; многолѣтна въ чернечествѣ суща и въ послушаніи, *во еже обрѣзати своя ему воля крѣпко обучившася*: красота бо старецъ—со смиреномудріемъ высокое житіе, а не своя воля; *архіерею бо свѣтливую подобаетъ быти и ничто же дерзостію творити*, да не многимъ соблазнъ и претыканіе будетъ: *во мнозѣ бо советѣ спасеніе бываетъ*“ 1).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что епархіальные архіереи считали себя подавленными и приниженными патриаршимъ самовластіемъ Никона, совершенно будто бы поправшаго ихъ архіерейскія права, унижавшаго своимъ деспотически-пренебрежительнымъ обращеніемъ ихъ санъ, почему они и молили государя о томъ, чтобы взять Никона изъ ихъ среды и чтобы, послѣ его низверженія, въ отношеніяхъ будущаго патриарха къ другимъ подчиненнымъ ему

1) Лѣт. рус. литер. Тихонравова, т. V, стр. 163, 169, 176.

епископамъ, былъ твердо и рѣшительно выраженъ тотъ основной принципъ, что „первый епископъ не начальникъ епископамъ, ни крайній святитель“, что „святительскій санъ единъ есть и также на всѣхъ благодать“, что поэтому „все святители равни“ и что „во мнозѣ совѣтѣ спасеніе бываетъ“.

Когда царь Федоръ Алексѣевичъ, на соборѣ 1681 года, предложилъ раздѣлить всю Россію на извѣстныя области, изъ которыхъ въ каждой былъ бы свой митрополитъ, и „чтобы каждому митрополиту имѣти во своей епархіи епископовъ, *подвластныхъ имъ*, а святѣйшему патріарху, *отцемъ-отцу*, имѣти многихъ еписковъ, *яко главъ и пастырю*“, то епископы били государю челомъ, „чтобы великій государь милостивно къ архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь, гдѣ въ пристойныхъ мѣстѣхъ и въ дальнихъ городѣхъ и многонародныхъ, архіереовъ устроить, архіепископовъ или епископовъ, особыми ихъ епархіями, *а не подъ митрополиты быть подвластными*, для того, чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго *разгласія и межъ себя распри и выскости*, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны“.

Очевидно, что архіереи XVII вѣка неособенно хорошо чувствовали себя, когда патріархомъ былъ человекъ энергичный и властный, что они тяготились своею зависимоścią и подчиненностію патріаршей власти, когда она стремилась проявить свою властительскую и церковную мощь помимо собора и совѣта съ другими іерархами; что они всегда готовы были противъ давленія и самовластия патріарха, избираемаго не ими, а царемъ, прибѣгать подъ защиту и покровительство свѣтской власти, въ ней находить противовѣсъ незаконнымъ, по ихъ мнѣнію, притязаніямъ патріарховъ на главенство между ними. Тѣмъ болѣе рѣшительно они воспротивились такому проекту, по которому епархіальные архіереи должны были подчиняться не только патріарху, но еще областному своему митрополиту. Въ этомъ они увидали только поводъ „къ церковному разгласію“, источникъ „къ распрямъ и выскости“ между самими архіереями, отъ чего можетъ произойти „преобидѣніе святой церкви, а отъ народа молвы и укоризны“.

Такимъ образомъ и епархіальные архіереи, такъ же какъ и патриархи, были въ московскій періодъ Руси избранниками и ставлениками высшей свѣтской власти, отъ которой они всегда и во всемъ зависѣли, слушали ея велѣнія и приказанія, подчинялись ея высшему руководству и авторитету въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ, и даже эту свою зависимость отъ свѣтской власти предпочитали зависимости отъ энергичныхъ и болѣе рѣшительныхъ патриарховъ, каковыхъ они прямо не желали имѣть на патриаршей каѳедрѣ. Значить, говорить о какой-либо свободѣ епархіальныхъ архіереевъ въ патриаршій періодъ, объ ихъ независимости отъ свѣтской власти, вовсе не приходится; положеніе тогдашняго архіерея въ этомъ отношеніи было нисколько не лучше нынѣшняго, онъ и тогда, какъ и теперь, болѣе походилъ на государственнаго важнаго чиновника, чѣмъ на смиреннаго архипастыря, свободно избираемаго своею паствою для устройства ея церковно-духовныхъ дѣлъ. Патриаршество нисколько не содѣйствовало созданію у насъ истиннаго, свободнаго, народнаго архипастырства, и тогда епархіальный архіерей такъ же чуждъ и далекъ былъ отъ своей паствы, ея интересовъ, нуждъ ея внутренней жизни и стремленій, какъ и въ настоящее время.

Только въ двухъ отношеніяхъ положеніе епархіальныхъ архіереевъ въ древней Руси, въ смыслѣ архипастырства, выгодно отличалось отъ положенія современныхъ намъ епархіальныхъ архіереевъ.

Древняя Русь вовсе не знала того современнаго намъ обычая, благодаря которому всѣ наши іерархи, подобно свѣтскимъ ищущимъ лучшихъ и доходнѣйшихъ мѣстъ чиновникамъ, очень часто мѣняютъ свои каѳедры, стремясь, изъ болѣе бѣдныхъ и менѣ почетныхъ, перейти поскорѣе на болѣе богатые и болѣе почетныя, вслѣдствіе чего каждый современный архіерей обязательно перемѣнитъ до трехъ, а иногда и до пяти каѳедръ въ теченіе своей архіерейской службы. Въ древней Руси въ этомъ отношеніи былъ совершенно другой порядокъ. Тамъ архіерей, разъ назначенный на извѣстную каѳедру, навсегда оставался въ ней, не переходя на другую, исключая тѣхъ случаевъ, когда, при выборѣ новаго патриарха, кандидатъ намѣчался не изъ стороннихъ архіерейству лицъ, а изъ ихъ среды. Благодаря ука-

занному обстоятельству архіерей древней Руси на свое пребываніе въ полученной имъ епархіи не смотрѣлъ только какъ на временную случайную стоянку, которую онъ немедленно и охотно покидаетъ, какъ только открывается для него свободный путь къ переходу на другую лучшую кафедру; онъ зналъ, что вся его дальнѣйшая жизнь протечетъ только именно въ этой епархіи, что онъ сложитъ въ ней и свои кости, а потому онъ по необходимости болѣе тѣсно сживался съ своею епархіею, лучше зналъ и ближе къ сердцу принималъ всѣ ея нужды и интересы, и, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, старался удовлетворить ихъ. Благодаря этому архіереи древней Руси, несмотря на другія очень неблагопріятныя условія для ихъ архипастырской дѣятельности, все таки, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, лучше и вѣрнѣе выражали собою типъ настоящаго истиннаго архипастырства, чѣмъ архіереи нашего времени, и изъ ихъ среды чаще, чѣмъ въ синодальный періодъ, являлись иногда народные архипастыри, готовые и душу свою положить за свою паству.

Древняя Русь не знала и того современнаго обычая, въ силу котораго наши іерархи награждаются различными свѣтскими орденами, благодаря чему типическія черты чиновника и въ архіерей невольно проявляются у насъ слишкомъ рѣзко и ярко, такъ какъ въ этомъ случаѣ архіерей отождествляется, очевидно, съ обычнымъ государственнымъ чиновникомъ и одною съ послѣднимъ мѣрою мѣряется его архипастырская дѣятельность. Древняя Русь никакихъ подобныхъ наградъ со стороны свѣтскаго правительства, за успѣшную архипастырскую дѣятельность своихъ архіереевъ, совсѣмъ не знала и не признавала. Единственною наградою тогда для добраго и дѣятельнаго архипастыря была его собственная совѣсть, чувство нравственной удовлетворенности отъ добросовѣстно исполненнаго архипастырскаго долга, и то чисто нравственное почтеніе и преклоненіе предъ нимъ, какъ вѣрнымъ служителемъ Христа, какое такому архіерею оказывалось тогда со стороны его паствы. И думается, что древняя Русь вѣрнѣе понимала и оцѣнивала архипастырство, когда въ епархіальномъ архіерей видѣла не государственнаго чиновника, увѣшаннаго разными мірскими регаліями, а только продолжателя и строителя дѣла Христова.

Если въ древней Руси, какъ мы видимъ, очень ненор-

мальны были отношенія патриаршей и архіерейской власти къ власти свѣтской, то особенно и исключительно ненормальны были въ ней отношенія архіерейской епархіальной власти къ подвѣдомственному ей приходскому духовенству.

На соборѣ 1503 года священникъ Георгій Скрипица говорилъ присутствовавшимъ на соборѣ іерархамъ: „Господа священноначальницы! Благословно ни сами, ни священники избранными, недозираете священникомъ, а во грады и села непосылаете опытывати, како кто пасеть церковь Божию, назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя: бояры и дворецкими, недѣльщиками, тѣны и доводчики, своихъ дѣля прибытковъ, а неподостоянію апостольскому. Апостоль пишеть: служащии олтарю, съ олтаремъ содѣляются. И вамъ достойтъ пасти церковь священниками богобоязными, а не мірскимъ воинствомъ“¹⁾.

Чтобы понять смыслъ заявленія священника Георгія Скрипицы, нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что если мы взглянемъ на всю обстановку и лицъ, постоянно окружающихъ древне-русскаго архіерея, то увидимъ, что тогда архіерей, по внѣшней обстановкѣ своей жизни, болѣе походилъ на свѣтскаго владѣтельнаго князя, чѣмъ на архипастыря. Подобно владѣтельному князю дворъ древне-русскаго архіерея, и особенно митрополита, а потомъ патриарха, постоянно былъ наполненъ толпою свѣтскихъ служилыхъ людей. Патриархъ, напимѣръ, былъ окруженъ своими собственными боярами, дѣтьми боярскими и дворянами, которые постоянно сопровождаютъ его при всѣхъ входахъ и выходахъ въ качествѣ его постоянной свиты; на торжественныхъ обѣдахъ, какъ это было и на обѣдахъ царя, у него прислуживаютъ его служилые люди съ званіемъ стольниковъ, кравчихъ, чашниковъ и пр. Въ старое время у московскаго митрополита былъ даже свой собственный полкъ, который являлся на войну вмѣстѣ съ княжескими войсками и имѣлъ своего особаго митрополичьяго воеводу; полкъ новгородскаго владыки составлялъ нѣчто самостоятельное и, кажется, не всегда подчинялся общему главнокомандующему.

Появленіе многочисленныхъ свѣтскихъ служилыхъ людей при дворѣ древне-русскаго архіерея объясняется тѣмъ, что

¹⁾ Чт. общ. ист. и древн. русс. 1848 г. № 6, смѣсь, стр. 48.

тогда у архіереевъ были обширныя земельныя владѣнія, много крестьянъ, всевозможныя хозяйственныя и промышленныя заведенія и учрежденія. Свои земли архіереи раздавали въ пожизненное пользованіе разнымъ служилымъ лицамъ, которыя обязаны были, съ одной стороны, отбывать за это воинскую повинность, которая всегда лежала и на архіерейскихъ земляхъ, съ другой—исполнять при архіереѣ тѣ или другія службы, по его назначенію. А такъ какъ архіереи, особенно митрополиты, а потомъ патріархи, были тогда не только богатыми землевладѣльцами, но имъ, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, принадлежала въ ихъ владѣніяхъ и власть административная, судебная и финансовая, и царскіе чиновники не имѣли даже права вѣзжать въ архіерейскія имѣнія; то архіереи и должны были организовать у себя самостоятельное управленіе своими землями и крестьянами, благодаря чему у нихъ и явился многочисленный классъ свѣтскихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ административнымъ, судебнымъ и финансовымъ управленіемъ архіерейскихъ земель. И вотъ эти-то служилые люди, жившіе при дворѣ архіерея, дѣлаются и епархіальными чиновниками, завѣдуютъ, по порученію архіерея, различными отраслями епархіальнаго управленія, такъ что имъ подчиняется все приходское духовенство, надъ которымъ они творятъ судъ и расправу и собираютъ съ него подати въ пользу архіерея и свою.

Возможность со стороны нашихъ архіереевъ управлять духовенствомъ при посредствѣ своихъ дворовыхъ служилыхъ людей, что несомнѣнно явно и рѣзко противорѣчитъ канонически точно опредѣленному характеру отношеній архипастыря къ подвѣдомственному ему духовенству, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что наши архіереи, сдѣлавшись богатыми землевладѣльцами, устроивши свой дворъ и управленіе землями по образцу княжескому, призвавши къ себѣ на службу вольныхъ служилыхъ людей,—и въ свое епархіальное управленіе внесли частновладѣльческій характеръ, стали плохо различать свое частное отъ епархіальнаго, а потому, вопреки церковнымъ канонамъ, стали управлять своими епархіями въ томъ же духѣ и чрезъ тѣхъ же лицъ, въ какомъ духѣ и чрезъ какихъ лицъ они управляли своимъ дворомъ и имѣніями. Этому какъ нельзя болѣе содѣйство-

вало то особое положеніе, какое въ древней Руси занимало приходское духовенство относительно своего епархіальнаго архіерея.

Нужно знать, что духовенство древней Руси, свободное относительно государства, относительно своего епархіальнаго архіерея было податнымъ сословіемъ, обязаннымъ архіерею взносомъ извѣстныхъ податей, почему оно, въ этомъ отношеніи, и приравнивалось къ *тяглому* сословію, такъ что выраженіе „тяглые попы“ сдѣлалось оффиціальнымъ,— „а опричь того съ тяглыми попы не тянуть ничего“, писалось тогда въ оффиціальныхъ грамотахъ. Государство не только дозволяло архіерею вѣдать и судить повсѣмъ дѣламъ духовенство, но и налагать на него по своему усмотрѣнію подати. Въ царской, напримѣръ, жалованной грамотѣ новгородскому митрополиту Макарію 1622 года между прочимъ говорится, что попы и дьяконы вновь построенныхъ церквей, не вошедшихъ еще въ опись данныхъ книгъ, обязаны платить подати потому окладу, „чѣмъ ихъ обложить богомолецъ нашъ Макарій митрополитъ“. Въ царской жалованной грамотѣ патриарху Филарету Никитичу сказано: „волью ему отцу нашему, великому государю, святѣйшему патриарху Филарету Никитичу въ своемъ патриаршествѣ ружныхъ и приходскихъ церквей, тѣхъ городовъ и уѣздовъ, и на поповъ, и на дьяконовъ, и на церковныя пустошныя земли свою святительскую дань и оброкъ положить, *чѣмъ онъ, великій государь, которыхъ ружныхъ и приходскихъ поповъ и дьяконовъ и пустую церковную землю данью своею и оброкомъ изоброчитъ*“¹⁾.

Эти „дани и оброки“, которые приходское духовенство платило своему архіерею, были слѣдующіе: а) *ставленые пошрины*, которыя „скарднаго ради прибытка“ еще очень рано до того были увеличены, что не разъ вызывали противъ себя соборныя опредѣленія, неимѣвшія однако практическаго значенія, такъ что эти пошрины существовали еще въ XVIII вѣкѣ. б) *Благословенная куница*, состоявшая въ томъ, что новопоставленный, предъ отправленіемъ въ назначенное ему мѣсто служенія, приходилъ за благословеніемъ къ архіерею, который бралъ съ него гривну. Благословеніе потомъ повторялось каждый годъ. Въ XVII вѣкѣ эта пошлина прекра-

¹⁾ Ак. эксп. т. III, №№ 123, 164.

щается. в) *Пошлины, платимыя съ разнаго рода грамотъ*: всякій новый епископъ, при своемъ вступленіи на кафедру свидѣтельствовавъ въ своей епархіи всѣ ставленныя и настольныя грамоты духовенства и скрѣпляя ихъ своею надписью, за что бралъ пошлины: съ настольныхъ грамотъ по 6 алтынъ 4 деньги, съ ставленныхъ 3 алтына 2 деньги. Если оказывалось, что грамоты не были засвидѣствованы его предшественникомъ, то пошлины брали вдвое, если не свидѣствованы двумя предшественниками, то бралось втрое. Эта пошлина называлась *явленою кунцею съ грамотою*. При переходѣ изъ одного прихода въ другой десятильники, а потомъ поповскіе старосты, выдавали священникамъ и дьяконамъ переходную память и брали съ нихъ *перехожія или новичныя гривны*. Въ древней Руси вдовы священники и дьяконы не имѣли права священнодѣйствовать, а должны были или постригаться въ монахи, или исполнять при церквахъ только дьяческія должности. Но тѣмъ изъ нихъ, которые отличались хорошею жизнію, съ особаго разрѣшенія, дозволялось оставаться при прежнихъ приходахъ и отправлять здѣсь нѣкоторыя пастырскія обязанности, для чего они получали, такъ называемыя *епитрахильныя и оранныя грамоты*. Каждый годъ они платили за эти грамоты 10 алтынъ; да при полученіи грамоты они платили подъячему за письмо гривну; получившій же грамоту безъ дозволенія „литургиясать“, платилъ за нее каждый годъ по пяти алтынъ. г) *Святительская дань*, что означало подать, собираемую съ недвижимаго имущества духовенства: съ земли, дворовъ и разныхъ угодій. Въ грамотѣ патріарха Іоасафа, Псковскому архіепископу Арсенію въ 1667 году, объ обложеніи данью приходскихъ церквей, по примѣру патріаршей области, сказано, что посланные для описи приходовъ данью окладывали съ попова двора по 4 деньги, съ дьяконова по 2 деньги, съ льячкова и пономарева и съ просвирницына и съ бобыльскихъ по деньгѣ съ двора; съ церковной земли: съ пашни съ четверти по три деньги, съ сѣнныхъ по двѣ деньги съ копны, да сверхъ того окладу десятильничьихъ и заѣзда по три алтына по двѣ деньги съ церкви, да казенныхъ платежей по три алтына по три деньги съ церкви. Иногда же поземельная подать обращалась въ личную: такъ въ Псковской епархіи вносилось въ архіерейскую казну по

двадцати алтынъ съ скуѣби въ годъ“. д) *Подгъздъ*, иначе: *затъздъ, озъздъ, ѳздъ*,—подать, платимая духовенствомъ епископу при обзорѣніи имъ своей епархіи, причемъ духовенство должно было содержать его на свой счетъ. Когда епископъ по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ не могъ самъ обзорѣвать своей епархіи, а это съ теченіемъ времени стало обычнымъ явленіемъ,—подати за вѣздъ собиралъ особый чиновникъ, посылаемый епископомъ. Кромѣ главнѣйшихъ указанныхъ нами пошлинъ, духовенство платило архіереямъ и другія болѣе или менѣе мелкія пошлины, съ теченіемъ времени видоизмѣнявшіяся и въ XVII столѣтіи переложенныя на деньги ¹⁾).

Указанное нами особое отношеніе, существовавшее въ древней Руси между приходскимъ духовенствомъ и архіереями, естественно открывало широкій путь введенія владѣльческаго характера во все епархіальное управленіе архіерея, не замѣтно и постепенно утверждало въ архіерейскомъ епархіальномъ управленіи принципъ частно-владѣльческой и нанемъ построенную администрацію. Если духовенство было относительно архіерея податнымъ, тяглымъ сословіемъ, обязаннымъ исправно вносить въ архіерейскую казну извѣстныя подати: то его отношенія къ архіерею опредѣлялись въ этомъ случаѣ не церковными уже канонами, но личною волею, усмотрѣніемъ и личными интересами святителя, которымъ руководили опять уже на архипастырскія соображенія, а чисто финансовыя. Архіерей смотрѣлъ въ этомъ случаѣ на всякое духовное лицо какъ наподатную единицу, какъ на такого человѣка, который обязанъ былъ ему взносомъ извѣстнаго количества податей, отъ исправнаго или неисправнаго платежа которыхъ наполнялась или терпѣла ущербъ его архіерейская казна. Тщательно и ревниво оберегая интересы своей казны, предписывая „всѣ подати собирать безъ недобору, а на ослушниковъ правити безъ всякія пощады“, предписывая собирать „съ большимъ поспѣшеніемъ—днемъ и ночью“, архіереи считали за лучшее поручить епархіальное финансовое управленіе своимъ свѣтскимъ служилымъ людемъ, какъ болѣе надежнымъ блюстителямъ въ епархіи денежныхъ архіерейскихъ интересовъ, чѣмъ выборные изъ

¹⁾ Ак. эксп. т. 1. № 319. Ак. ист. т. IV, №№ 172, 195, 259 и др.

того же тяглаго духовенства. Вслѣдъ за финансами свѣтскіе архіерейскіе чиновники получили надъ приходскимъ духовенствомъ и власть административную, судебную и полицейскую, и, въ силу господствовавшей тогда всюду системы кормленія, кормились отъ прохожденія разныхъ епархіальныхъ должностей т.-е. на счетъ того же приходскаго духовенства. Архіерейская казна въ этомъ случаѣ не тратила на содержаніе чиновника ни копѣйки, а между тѣмъ у архіерея постоянно былъ многочисленный штатъ служилыхъ людей, которые во всемъ отъ него зависѣли и которыми онъ могъ свободно распоряжаться по своему личному усмотрѣнію. Только современни Стоглаваго собора, важнѣйшіе архіерейскіе чиновники: бояре, дворецкіе и дьяки стали назначаться царемъ, что крайне не нравилось архіереямъ и очень стѣснило ихъ.

Слѣдствія указаннаго положенія дѣль, благодаря которому все епархіальное управленіе архіереевъ велось ими при посредствѣ ихъ свѣтскихъ чиновниковъ, были крайне тяжелы для приходскаго духовенства, такъ какъ архіерейскіе свѣтскіе чиновники позволяли себѣ по отношенію къ духовенству всевозможныя злоупотребленія, насилія и беззаконія. Извѣстна, напримѣръ, жалоба духовенства, поданная царю Алексѣю Михайловичу на патріаршаго дьяка Кокوشيлова. Въ этой жалобѣ, между прочимъ говорится: „перехожая становилась иному беззаступному попу рублей по шести, по семи, по десяти и по пятнадцати, кромѣ своего харчу; волочились недѣль по двадцати и тридцати, а иной—бѣдный человѣкъ поживетъ въ Москвѣ недѣль десять и болѣе, да и проѣстъ рублей пять, шесть и больше, и уѣдетъ безъ перехожей; многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву пріѣзжали, а безъ нихъ попадьи ихъ и дѣти скитаются межъ дворовъ. И священники отнюдь изъ воли отъ церкви къ церкви переходятъ, изо ста не найдется пяти человѣкъ поповъ, которые бы перешли изъ воли, безъ гоненія, всѣ переходятъ рыдая и плача“... Бѣдному, забитому священнику трудно было добратъся, съ своимъ горемъ и нуждами, хотя бы самыми законными, не только до самаго святителя, но и до его дьяка или секретаря. Таже жалоба духовенства на дьяка Кокوشيлова говоритъ, что „людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, и самому рублей по пяти и по шести

деньгами, кромѣ гостинцевъ, меду и рыбы, да еще бы рыба была живая, да женѣ его переносятъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ, никакими мѣрами на дворъ не пустятъ“.

Отъ дьяковъ и другихъ служилыхъ лицъ, окружавшихъ архіерея, страдали однако только тѣ духовные, которые имѣли крайнюю'нужду за чѣмъ нибудь обращаться непосредственно къ самимъ святителямъ. Но въ древней Руси были и такіе епархіальные чиновники, отъ злоупотребленій и насилій которыхъ страдало буквально сплошь все приходское духовенство и отъ которыхъ не было никакой возможности ни куда уйти. Это были такъ называемые десятильники.

Въ древней Руси каждая епархія дѣлилась на опредѣленное количество церковно-административныхъ округовъ, которые назывались десятинами. Въ каждую десятину, имѣвшую свой особый десятильничій дворъ, архіерей, для ея управленія, назначалъ особаго своего свѣтскаго служилаго чело-вѣка, который и носилъ названіе десятильника. Десятильники занимали собственно низшую ступень въ епархіальной администраціи древней Руси, но, не смотря на это, вслѣдствіе своей близости къ духовенству, обширности власти надъ нимъ, они играли самую видную роль во всемъ епархіальномъ управленіи и, особенно, въ жизни низшаго сельскаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго. Они судили духовенство, собирали съ него подати, наблюдали за его жизнію и правильнымъ исполненіемъ имъ своихъ пастырскихъ обязанностей, и такимъ образомъ имѣли надъ нимъ власть судебную, административную и финансовую. При такой все-сторонней зависимости низшаго духовенства отъ десятиль-никовъ, послѣднимъ открывалась полная возможность злоупотреблять своею обширною властію,—и они дѣйствительно злоупотребляли ею. Десятильникъ соединялъ въ своемъ лицѣ власть административную и судебную, онъ былъ въ одно и тоже время и обвинителемъ и судіею, благодаря чему обвиняемое лицо всегда находилось въ полной власти десятильника. А между тѣмъ самый судъ былъ одною изъ до-ходныхъ статей для десятильника: отъ каждаго суднаго дѣла онъ, по закону, получалъ извѣстный процентъ, почему привлекать къ суду какъ можно болѣе лицъ, хотя бы и несправедливо, было прямо въ его интересахъ. II вотъ де-

сятильники судили и рядили духовенство на всей своей волѣ,—тягаться съ ними бѣдному, загнанному сельскому духовенству было не подъ силу, такъ какъ оно безъ чрезвычайныхъ усилій и затратъ не могло и добраться до своего архипастыря, при томъ въ архіерейской дворнѣ десятильничъ всегда встрѣчалъ своихъ, которые ранѣе подвизались, или послѣ будутъ подвизаться, такъ же какъ и онъ. Не даромъ конечно царь говорилъ на Стоглавомъ соборѣ: „у васъ же убо, святителей, бояре, и дьяки, и тіуны, и десятильники, и недѣльщики судять и управу чинять не право, и волочатъ и продаютъ съ ябедники со одного; а десятильники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости, и дѣла составляютъ съ ябедники со одно, и церкви отъ десятильниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многіе пусты безъ пѣнія и поповъ нѣтъ“.

Какъ ни велики и ни тягостны были злоупотребленія десятильничьяго суда, но все-таки отъ нихъ страдало не все духовенство, а только лица, которыя подвергались судебному преслѣдованію; отъ поборовъ же десятильниковъ терпѣло все духовенство безъ исключенія. Десятильники обыкновенно жили по городамъ, гдѣ они имѣли свои, такъ называемые, десятильничьи дома, откуда два раза въ годъ они объѣзжали свои десятины, посѣщая всѣ монастыри и приходы, собирая съ нихъ въ пользу архіерея и свою извѣстную дань. Пошлины, собираемыя десятильниками въ свою пользу, были довольно значительны и разнообразны и нерѣдко подробно перечисляются въ архіерейскихъ грамотахъ. Но законными, хотя очень многочисленными и обременительными для духовенства, податями десятильники недовольствовались, они при всякомъ удобномъ случаѣ, рѣшительно обирали духовенство, которому зачастую становилось не въ моготу отъ ихъ притѣсненій и поборовъ, оно бросало церкви и разбѣгалось въ разныя стороны. Этимъ объясняется, что до насъ, отъ разнаго времени, дошла цѣлая масса жалобъ на злоупотребленія десятильниковъ, на ихъ невыносимыя притѣсненія духовенству, въ которыхъ ярко обрисовываются какъ злоупотребленія десятильниковъ, такъ и бѣдственное положеніе духовенства, страдавшаго отъ этихъ зло употребленій. Въ виду указаннаго положенія дѣлъ соборъ 1675 года, совсѣмъ уничтожая десятильниковъ, по-

становиль, что такъ какъ отъ десятильниковъ „объявилоса всякое безчиніе, ко священному чину налоги и обругательство и убытки, сверхъ указныхъ статей имали лишніе сборы; того ради тѣхъ мірскихъ людей не посылать, а посылать ихъ на непослушниковъ и непокорниковъ, идѣже таковіи духовнаго чина обряшутся противницы и архіерейскому повелѣнію непослушники“¹⁾.

Такимъ образомъ въ древней Руси все приходское духовенство, какъ тяглое относительно архіерея, управлялось „своихъ дѣля прибитковъ по царскому чину земнаго царя“—свѣтскими архіерейскими служилыми людьми, которые собирали съ духовенства, и въ пользу архіерея и свою, разныя подати и дани, наблюдали за всею его пастырскою жизнью и дѣятельностію, творили надъ нимъ судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ, кромѣ чисто-духовныхъ, и при этомъ дозволяли себѣ всевозможныя насилія, несправедливости, притѣсненія и вымогательства, ставя духовенство своими беззаконіями буквально въ безвыходное положеніе, — священники бѣжали отъ церкви, которыя по нѣскольку лѣтъ оставались пусты, безъ церковнаго пѣнія, вслѣдствіе чего, заявляютъ жалобы, „боли (т.е. больные) помирають безъ причастія, а родильницы безъ молитвы, а младенцы безъ крещенія бывають многое время; отъ иныхъ де церквей попы къ тѣмъ ихъ людямъ и ко крестьяномъ ходить несмѣють, блюдаясь нашихъ десятильниковъ“²⁾.

Очевидно въ древней Руси (и за время патріаршества) отношенія между архіереями и подвѣдомственнымъ имъ епархіальнымъ духовенствомъ были самыя не нормальныя, не каноническія, не церковныя. Архипастырь превратился у насъ въ существѣ дѣла въ бльшаго, богатаго, всевластнаго владѣльца помѣщика; пастыри церкви—въ его тяглыхъ, не свободныхъ людей, во всемъ и всегда зависѣвшихъ отъ него, которыхъ онъ, какъ владыка, по своему усмотрѣнію, и облагалъ податями, и каралъ, и жаловалъ. При такихъ условіяхъ о настоящихъ, каноническихъ отношеніяхъ между архипастырями и пастырями церкви, конечно, немогло быть

¹⁾ Ак. эксп. т. I, № 306, т. II, №№ 14 и 17. Ак. ист. т. IV, № 24. Ак. эксп. т. IV, стр. 261 и др.

²⁾ Ак. до юрид. б. т. I, № 31—XXV.

рѣчи,—это были два чуждых другъ другу лагеря, подозрительно, а иногда и прямо враждебно, смотрѣвшихъ другъ на друга. И нашимъ архіереямъ и патріархамъ, очевидно, совсѣмъ не было никакого дѣла до безправнаго, крайне униженнаго и забитаго положенія приходскаго духовенства, которое обижалъ и давилъ рѣшительно всякій: и самъ архіерей, и его насильники чиновники, и всякій сильный и богатый человѣкъ, благо пастырю церкви искать защиты было не у кого,—архіерей не былъ его защитникомъ. Если при такихъ порядкахъ въ архіереѣ—баринѣ и помѣщикѣ почти совсѣмъ стирались черты истиннаго архипастырства, то и въ священникѣ—несвободномъ и тягломъ, немогло проявляться истинное, настоящее пастырство, способное воспитывать въ истину христіански-нравственномъ духѣ прихожанъ т.-е. весь русскій народъ. Самъ безправный, приниженный, не огражденный отъ всякихъ беззаконій, неправдъ и притѣсненій, священникъ естественно немогъ воспитывать своихъ прихожанъ въ духѣ общественной свободы, правды, законности, гуманности. Съ другой стороны онъ немогъ внушать паствѣ и той мысли, что незнаемые народу и никогда съ нимъ непосредственно не соприкасающіеся архипастыри церкви есть дѣйствительные и настоящіе преемники въ мірѣ самого Христа и св. Апостоловъ, что въ своей архіерейской дѣятельности они руководствуются только архипастырскою любовію къ пасомымъ, кротостію и милосердіемъ къ согрѣшающимъ, что ихъ призваніе—вносить въ міръ свѣтъ, истину, радость и миръ. По необходимости, по рѣшительному неимѣнію другихъ данныхъ, народъ—масса получалъ чрезъ свое духовенство о своихъ незнаемыхъ имъ „владыкахъ“ совершенно превратное представленіе: видѣлъ въ нихъ только что-то до чрезвычайности высокое, важное, недоступное, предъ чѣмъ всѣ духовные держатъ себя уничиженно-подобострастно, чего они смертельно боятся и т. под. Другаго о своихъ „владыкахъ“ большинство народа ничего не знало и не представляло, такъ какъ епархіальный архіерей, повторимъ, никогда не имѣлъ къ простому народу никакого непосредственнаго отношенія, никогда не соприкасался съ нимъ. Эта ненормальная рознь архіерея съ подвѣдомственнымъ ему приходскимъ духовенствомъ и паствою, имѣли однако для всей русской церкви самыя роковыя по-

слѣдствія, съ которыми во всей силѣ приходится считаться и въ настоящее время. Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ

Приходское духовенство въ древней Руси существенно отличалось отъ современнаго тѣмъ, что оно было выборнымъ. Каждый приходъ, изъ знаемыхъ имъ лицъ, самъ выбиралъ тогда кандидата во священники, и архіерей, если находилъ, что избранникъ прихода дѣйствительно подходящій человѣкъ, ставилъ его. Значить, приходскій батюшка древней Руси былъ для прихода всѣмъ хорошо знаемый, свой родной, излюбленный человѣкъ, а не чужой, никому невѣдомый, къ-то стороннимъ приходу присланный. Между приходомъ и избраннымъ имъ духовенствомъ необходимо устанавливалась тогда тѣсная, внутренняя, органическая связь: прихожане видѣли въ избранномъ имъ священникѣ, не случайнаго и чуждаго имъ, а своего излюбленнаго, свободно избраннаго ими духовнаго главу, руководителя и совѣтника въ ихъ простой и несложной духовно-религіозной жизни, своему избраннику и его церковному руководительству они вполне довѣряли, несмотря даже на тѣ или другіе его личные недостатки и изъяны. Они жили съ нимъ одною общею жизнію: ихъ вкусы, интересы, пониманіе окружающаго были одинаковы, только священникъ, ради своей грамотности, а иногда и нѣкоторой начитанности, болѣе ихъ зналъ и понималъ въ дѣлахъ и предметахъ церковныхъ, „въ божественномъ“, „въ душеспасительномъ“, и въ этой области, которой всегда такъ дорожить нашъ народъ, его авторитетъ былъ непререкаемъ. Другихъ религіозныхъ учителей, высшихъ и болѣе свѣдующихъ, чѣмъ приходскій батюшка, народъ не зналъ, такъ какъ архіереи къ народу и къ той или другой степени и качеству его религіозности, не имѣли никакого касательства,—все религіозное воспитаніе народнои массы совершалось исключительно только средствами и силами приходскаго духовенства, а потому въ немъ только народъ и видѣлъ своихъ единственныхъ настоящихъ духовныхъ учителей и руководителей.

Когда высшее свѣтское правительство — въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, и высшее духовное правительство— въ лицѣ патріарха Никона, задумали и стали проводить извѣстную церковную реформу, опираясь только на властей, и

вовсе не думая совѣтываться съ низшимъ—приходскимъ духовенствомъ, приглашать его на свои соборы и, какъ бы слѣдовало, спрашивать, по церковнымъ вопросамъ, и его мнѣнія, думая въ этомъ важномъ, всей церкви касающемся дѣлѣ, ограничиться только согласіемъ однихъ церковныхъ верховъ ¹⁾, приходское духовенство выдѣлило тогда изъ среды своей смѣлыхъ, энергичныхъ, очень умныхъ и начитанныхъ борцовъ, которые отважно возстали противъ реформы на защиту родной старины. Тогда по всей Руси, неожиданно для властей, со стороны уважаемыхъ священниковъ, раздался горячій энергичный призывъ ко всѣмъ вѣрующимъ: не признавать церковныхъ новшествъ, вводимыхъ незаконно высшею церковною властію, не слушать и отвергнуть самихъ архіереевъ, которые ради славы міра сего, ради мірской чести, земныхъ благъ и выгодъ, которые не какъ пастыри, а какъ наемники, готовы предать и предають отеческую православную вѣру. Простая народная масса, прислушиваясь къ этому горячему призыву своихъ излюбленныхъ пастырей и къ казенно-холоднымъ увѣщаніямъ властныхъ, но чуждыхъ ей архіереевъ, ссылавшихся на свой высшій іерархій авторитетъ, охотно пошла, терпя за это преслѣдованія и гоненія, за своими исконными духовными руководителями—приходскимъ духовенствомъ, а не за архіереями;—отъ послѣднихъ она легко отказывалась, лишь бы

¹⁾ Неправильность такого отношенія правительства къ обще-церковному дѣлу и тогда ясно сознавалось болѣе передовыми лицами среди духовенства. Такъ извѣстные протопопы Іоаннъ Нероновъ въ челобитной къ государю, указываетъ ему на тотъ единственно-правильный путь, какимъ надлежитъ слѣдовать, чтобы вывести тогдашнія запутавшіяся церковныя дѣла на ихъ настоящую дорогу. Онъ приглашаетъ государя созвать для рѣшенія церковныхъ дѣлъ соборъ „истинный“, „а не соимиче іудейское“. На этомъ истинномъ соборѣ должны присутствовать не одни архіереи, но и архимандриты, игумены, протопопы, священно-иноки. *іерей, діаконы*—хорошо знающіе божественное писаніе, а такъ же и *мірскіе всякаго чина люди*, извѣстные своею добродѣтельною жизнію, и наконецъ пустынники, сподобившіеся особыхъ дарованій отъ Бога. Такимъ образомъ у насъ еще въ XVІІ вѣкѣ истиннымъ настоящимъ церковнымъ соборомъ признавался только тотъ, на которомъ присутствовали, кромѣ архіереевъ и монаховъ, протопопы, іерей, діаконы и мірскіе люди,—только такого состава соборъ обладалъ полною компетентціею въ обще-церковныхъ дѣлахъ.

только сохранить свою церковную старину и ея защитниковъ—своихъ излюбленныхъ пастырей. Словомъ отдѣленіе у насъ старообрядцевъ отъ господствующей церкви было дѣломъ по преимуществу низшаго—приходскаго духовенства, которое, несмотря на всю свою приниженность и безправіе предъ архіереями, обладало однако большею силою и вліяніемъ на народную массу, чѣмъ самовластные и высокопоставленные архіереи. Такимъ образомъ русское старообрядство своимъ успѣхомъ въ народѣ, несмотря на всѣ репрессивныя противъ него мѣры со стороны свѣтскаго и духовнаго правительства, очень и очень много было обязано тому обстоятельству, что наши архіереи были только духовные чиновники, назначаемые на свои должности свѣтскою властію, а не избираемые, какъ бы слѣдовало, всенародно; между тѣмъ какъ приходское духовенство избиралось народомъ, который, поэтому, охотнѣе и шелъ за своими избранниками, чѣмъ за архіереями. Глубокая разобщенность, существовавшая въ древней Руси между архіереями, съ одной стороны, низшимъ духовенствомъ и паствою съ другой, пагубно отразилась въ концѣ на всей нашей церкви—у насъ возникло старообрядство, какъ канонически отдѣлившаяся отъ господствующей церкви, самостоятельная церковная народная община.

Изъ всего нами сказаннаго о власти патриаршей въ древней Руси въ ея отношеніи къ власти царской, само собою слѣдуетъ, что древняя патриаршая Русь никакъ не можетъ служить примѣромъ и образцомъ для современнаго лучшаго церковнаго строительства, такъ какъ патриаршество не внесло въ нашу тогдашнюю церковную жизнь ничего новаго, живаго, возвышающаго, и просвѣтляющаго ее. Оно даже совсѣмъ неимѣло корней въ общецерковной почвѣ, такъ какъ самымъ своимъ появленіемъ на свѣтъ обязано было не церковному собору, на которомъ бы были представители всей церкви: архипастыри, пастыри и пасомые, не религіозно-церковнымъ запросамъ и требованіямъ всего общества, а только царской власти, которая учредила у насъ патриаршество по политическимъ мотивамъ, сама избирала и низводила патриарховъ, зависѣвшихъ отъ нея во всемъ и всецѣло. О возможности существованія какого-то самостоятельнаго, независимаго отъ свѣтской власти, по собственной инициативѣ дѣй-

ствующаго и распоряжающагося патріарха, свободно и безъ помѣхи проводящаго въ общественную жизнь свои христіанско-церковныя идеалы, древняя Русь даже и неподозрѣвала. Словомъ нашъ московскій патріархъ былъ только внѣшнимъ, декоративнымъ украшеніемъ сколько церкви столько же и государства, ничѣмъ органически не связаннымъ ни съ церковнымъ строемъ ни тѣмъ болѣе съ народною жизнію: ея запросами, стремленіями, интересами, — для нея онъ былъ совершенно внѣшній человѣкъ, — большой, важный, очень всѣми честимый государственный сановникъ, неболѣе. Возстановлять такое патріаршество, съ такимъ же характеромъ и условіями его дѣятельности, было бы, очевидно, большою ошибкою. Въ настоящее время нужесть и возможенъ патріархъ совершенно инаго происхожденія, инаго характера, а его архипастырская дѣятельность должна быть поставлена въ совершенно иныя условія.

Точно также и епархіальные архіереи патріаршаго періода были ставлениками только свѣтской власти, отъ которой они всегда и во всемъ зависѣли: ни мѣстное духовенство, ни паства, какъ бы слѣдовало, въ ихъ выборѣ на кафедру не принимали никакаго участія; имъ присылали архіереевъ сверху и они ихъ принимали и подчинялись имъ, какъ принимали и подчинялись царскимъ воеводамъ, не находя особой, замѣтной разницы въ характерѣ власти архіерея и воеводы: тотъ управлялъ однимъ, а этотъ другимъ, но оба управляли одинаково, при помощи совершенно одинаковыхъ чиновниковъ и по одинаковой системѣ. Словомъ черты архипастырства въ древнемъ епархіальномъ архіереѣ были совсѣмъ невидны для громаднаго большинства народа, и потому онъ относился къ своимъ архипастырямъ равнодушно, и даже совсѣмъ не зналъ ихъ, исключая тѣхъ, которые выдѣлялись своею высокою, святою жизнію. Такихъ онъ глубоко чтилъ, благоговѣлъ предъ ними, но не какъ предъ архіереями, а какъ предъ святыми людьми, какъ предъ праведниками.

Наконецъ, что касается приходскаго духовенства, его положенія въ патріаршіи періодъ, то оно, какъ мы видѣли, было почти невозможно, благодаря тѣмъ крайне своеобразнымъ отношеніямъ, какія сложились въ древней Руси между епархіальнымъ и подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ. II

если для архіерея все низшее епархіальное духовенство было тяглымъ, податнымъ сословіемъ, за то для паствы оно было ея избранникомъ, ея единственнымъ дѣйствительнымъ учителемъ и руководителемъ въ религіозно-нравственной и церковной жизни, которому простая масса народа обязана всѣмъ тѣмъ, что дѣлало ее христіанскою, что христіански утѣшало ея въ горѣ, въ житейскихъ бѣдахъ и страданіяхъ, что просвѣтляло и осмысливало духовно ея темную, неприглядную жизнь. Пусть тогдашніе батюшки были въ большинствѣ невѣжественны, пусть они страдали нерѣдко разными недостатками и даже пороками; все таки они, при самыхъ не возможныхъ условіяхъ, одни дѣлали дѣло Божіе на нивѣ народной,—дѣлали, какъ умѣли, какъ сами понимали его, и народная масса всегда видѣла въ нихъ своихъ излюбленныхъ людей, единственно которымъ она обязана всѣмъ своимъ религіозно-церковнымъ воспитаніемъ и потому относилась къ нимъ довѣрчиво, а къ ихъ встрѣчавшимся слабостямъ — снисходительно.

Такимъ образомъ оказывается, что списывать церковные порядки съ древней патріаршей Руси, возстановлять ихъ, въ видахъ улучшенія и возвышенія религіозной жизни современнаго общества, намъ неприходится, такъ какъ въ этомъ случаѣ скорѣе бы получилось ухудшеніе, чѣмъ улучшеніе. Въ тоже время нельзя оставаться и при современныхъ существующихъ у насъ церковныхъ порядкахъ, уже торжественно признанныхъ несостоятельными, нуждающимися въ коренной перестройкѣ и улучшеніяхъ. Очевидно намъ придется теперь не пробавляться только старымъ и готовымъ, а творить многое вновь, начать, наконецъ, и въ церковной сферѣ такъ долго не дававшуюся намъ творческую, созидательную работу, по духу и разуму православной церкви, руководимой тѣмъ же Духомъ Святымъ, подъ водительствомъ котораго творила и вводила свои порядки и древняя византійская церковь. Призывъ, отовсюду теперь раздающійся, что бы для обновленія всей нашей церковной жизни и переустройства церковнаго управленія, былъ созванъ прежде всего всероссійскій „истинный“ церковный соборъ т.-е. соборъ, состоящій не изъ архіереевъ только и монаховъ, но и изъ бѣлыхъ священниковъ, діаконовъ, а такъ же и изъ мірянъ, словомъ представителей всей церкви, а не какой-нибудь

только отдѣльной ея части, есть конечно самый вѣрный путь къ предстоящей въ будущемъ творческой церковной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ и самый серьезный залогъ ея плодотворности. Возстановленіе же только одного стараго патріаршества, и притомъ силами однихъ архіереевъ, чего какъ будто бы нѣкоторые желаютъ, конечно не поведетъ къ дѣйствительному обновленію и подъему всей нашей церковной жизни; только одно патріаршество само по себѣ, безъ кореннаго переустройства всѣхъ сторонъ нашей религіозно-церковной жизни, не можетъ оправдать возлагаемыхъ на него надеждъ.

Н. Кантеевъ.
